

УДК 130.2

«СЛАВЯНОФИЛЫ» – «ЗАПАДНИКИ»: ДИАЛОГ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**д-р филос. наук, доц. О.В. АРХИПОВА***(Санкт-Петербургский государственный экономический университет);***д-р филос. наук, проф. Ю.М. ШОР***(Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства)*

Рассматриваются культурологические и философские аспекты дихотомии «славянофилы» – «западники»; обосновывается их сущностное противостояние, принципиальное размежевание этих двух миров, несовместимых миропониманий, типов истолкования человека, культуры, цивилизации, стратегий социокультурного развития. Предлагается оригинальное прочтение дилеммы «славянофилы» – «западники» как противостояние «просвещения» и «романтизма», «технократизма» и «гуманитарности». Осмысливаются исторические пути развития России как особого культурного пласта, уникального и своеобразного. Выделяются и интерпретируются такие принципы русской ментальности, как антитехнократизм, гуманитарность, экзистенциальность и другие. Подвергается критике чуждое русской культуре сциентистско-позитивистское мировоззрение, и напротив, утверждается ценность гуманитарности как целостно-поэтического переживания мира. Подчеркивается особая роль проблемы идеала и исследований области идеального для русской духовной культуры. Анализируются основные тенденции и противоречия развития культуры и общества на рубеже XX–XXI веков, такие явления современности, как «вестернизация» и «американизация».

Введение. Книга «Победы и беды России» выдающегося российского мыслителя В.В. Кожина о специфике российской цивилизации, о месте России в мире, о необходимости и неизбежности восстановления связи времен [1]. Говоря о потрясениях, сопровождавших Россию, и прежде всего в двадцатом веке, автор проводит мысль, что их первопричиной были не закономерности социально-экономического порядка, не кризисы «марксистского» мировосприятия, а кризисы духовные – *разломы веры*. Именно крушение веры в традиционный миропорядок привело к тому, что, по выражению В.В. Розанова, в 1917 году «Российская империя слиняла в три дня», а спустя семьдесят четыре года исчез с карты мира Советский Союз. В органическом единстве В.В. Кожин рассматривает проблемные узлы России как результат сплетения географических, исторических, политических, философских, художественных факторов. Суть его концепции: в истории тесно переплетены материальные и идеальные факторы; экономическое, социальное, политическое развитие общества – это только одна сторона проблемы, другой стороной выступает художественное, религиозное, философское мировосприятие, и прежде всего – Слово, Художественный образ. Слово и непосредственно связанное с ним православное переживание происходящих в мире событий всегда занимали особое место в русской культуре. Легендарное «Слово о полку Игореве» – не просто литературный памятник, это вся Русь в Слово и через Слово, русская идея и русская судьба, русское мироощущение, переданное и воссозданное художественными средствами литературы. Поэзия несет в себе художественные смыслы той сущности, материальные, практические, реально-исторические измерения которой воплощены в действительном историческом процессе (В.В. Кожин). И эти художественные смыслы несколько не менее «реальны», чем внехудожественные. Тайна Слова в том, что в нем воплощается духовная жизнь народа, его истинные творческие силы.

Но что такое духовное, в чем его природа, его суть?.. Перед нами старая, фундаментальная проблема истории культуры, истории философии, проходящая и через Восток, и через европейскую Античность, через европейское Средневековье и Возрождение, борьбу идей Просвещения и Романтизма и т.д. Дело, во-первых, в том, что в каждую историческую эпоху она проявляется с разных сторон; во-вторых, сегодня вновь обострились поиски сущности духовного, его природы, причем эту «природу» хочется увидеть не абстрактно, а совершенно конкретно, воочию, объёмно.

Основная часть. Общая формула: духовное – это смысловое, это *идея вещи или явления*, что известно со времен Платона. Но сегодня важно, что идея – энергетический импульс, внутренний толчок, источник вдохновения. Духовное – то, чем жива душа, ее опоры, ее несущие конструкции. Духовное включает в себя ответ на вопросы «Во имя чего мы живем?», «В чем цель и смысл?». Именно это свойство поэзии отмечает Кожин: «Поэтические строки очень много значат в нашем сознании, в нашей духовной жизни: они представляют своего рода “опоры”, “скрепы” нашего мировосприятия, нашего отношения к природе и обществу, к любви и дружбе, к добру и злу» [1, с. 89]. Роман-эпопея «Война и мир» Л.Н. Толстого «по-своему не менее значительное событие русской истории, чем сама Отечественная война 1812 года» [1, с. 315]. И если Петр Великий в начале века основал *реальный* Санкт-Петербург, то

А.С. Пушкин в 1833 году создал Петербург идеальный, основал *миф* о Петербурге, построил его художественный образ, воссозданный эстетически.

Размышления о русской культуре ведут к плодотворной постановке вопроса о её самобытности. Почему, в самом деле, в силу каких причин, для каких целей мы вообще размышляем о своеобразии России, русского пути?.. Конечно, не для того, чтобы доказывать, что «мы не такие как все», «что нам закон не писан». Нет, просто своё – это наши корни, энергетические источники. Знаменитая работа «Русская идея» Н. Бердяева начинается с важной мысли: «Меня будет интересовать не столько вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ русского народа, его идея» [2, с. 375]. В ней, полагаем, квинтэссенция самой проблемы русского своеобразия, как и в вещих словах А.С. Пушкина: «Поймите же, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой... история ее требует другой мысли, другой формулы».

Социально-философская сущность диалога «западников» и «славянофилов» – это не вчерашний день¹. Это не просто диалог двух тенденций, способов понимания социокультурного развития России, а соперничество двух типов мировоззрения, двух форм миропереживания, диалог, приобретающий то скрытый, то явный характер. Причем в конце XX – начале XXI века он обогатился новыми чертами, зазвучали другие обертоны, наполняя новым содержанием старые сюжеты. Безусловно, в какой-то степени верно, что говорилось о «западниках» и «славянофилах» в XIX веке, что в чем-то они едины, это две стороны одной и той же медали, «двуликий Янус» и т.п., но только в какой-то степени. Ибо это не отменяет принципиальных базовых различий, фундаментальных расхождений. Перед нами не просто спор о мере самобытности России, перед нами противоборство глубоко различных духовных позиций.

Реформы последних двух десятилетий выявили пагубность для российской политики «всеобщей вестернизации», результаты говорят о недостаточности, ущербности концепций либерального прогресса, о безусловной вине такого «прогресса» в порождении проблем и противоречий современной цивилизации. Это отчетливо понимал выдающийся теоретик современного «неопочвенничества» А.С. Панарин: «Требуется нахождение альтернативы тому глобальному тупику, в который загнала человечество прометеева идеология покорения природы и культуры во имя... удовлетворения примитивных потребительских appetites» [3, с. 11]. Эти строки написаны в самом начале XXI века, но свою глубину и актуальность, думается, они не потеряли. Речь тут идет даже не о бесперспективности слепого копирования Запада, а о том, что процессы, происходящие в России, эпохальны по своему смыслу, и смысл этот – в исчерпании идеологии не «западничества», а в целом «западнизма» в качестве основной, ведущей парадигмы развития человечества. Перед Россией опять встает главный, судьбоносный, по сути дела, мессианский вопрос – удастся ли стать пионером радикального поворота человечества на рельсы принципиально другого типа цивилизационного развития?.. Но главное – другое. Позиции «почвенников», с одной стороны, «западников» – с другой, это, повторяем, принципиально разные мировоззренческие парадигмы. Проблема как раз в том, на каких духовно-философских основаниях базируются направления, чем они воодушевляются, каковы их исторические корни. Мировоззрение «западников» – это, прежде всего, материализм, индивидуализм, прагматический и технократический подход к реальности. Мировоззрение «почвенничества» – это традиционное мировоззрение русской православной культуры с ее созерцательностью, соборностью, экзистенциальностью.

Карл Маркс глубоко понимал исключительную роль капиталистических отношений в развитии общества и производства, в освобождении и обогащении производительных сил, его действующих возможностей, его энергетике. Но критики капитализма видели и другую, страшную сторону буржуазного строя, видели цену, которую платит человек за развитие производительных сил, комфорт и уют. Деньги, прибыль, цена в самом сердце культуры – это неизбежное обесценивание самого человека. Душевный холод, черствость, отсутствие элементарного сопереживания, сочувствия чужой беде – все это органически входит в природу предпринимательства, бизнеса, деловой активности. Перед нами не случайные отклонения от правил, а сами правила, во всей неприглядности. «Производственный процесс в капитализме, – пишет Славой Жижек, – есть лишь окольный путь в спекулятивном процессе порождения все новых денег, то есть логика наживы в конечном счете является и тем, что поддерживает непрекращающееся стремление революционизировать и расширять производство» [4, с. 236]. Отметим, свойство капиталистического рынка таково, что когда люди обмениваются товарами, их не интересуют потребительская стоимость товара (т.е. его собственная ценность и самоценность, его уникальность и особенность, его глубинное значение), а только меновая, то есть как товар будет продаваться на рынке, сколько денег за него можно дать и т.п. Самоценность вещи или явления (предположим, талант певца) в рыночной экономике имеет смысл только как меновая, как рыночная стоимость.

¹ Термин «славянофилы» неудачен во многих отношениях, более точен термин «почвенники», или «неопочвенники». В таком смысле употребляет этот термин А.А. Корольков в разделе «Почвенники против беспочвенников» книги «Духовный смысл русской культуры» (СПб., 2006).

Выяснение особенностей русской культуры есть выделение ценностей, которые не могут и не должны быть попораны в обществе, которое хочет оставаться человеческим. По своей природе они не могут быть рыночными. Выделяя эти особенности, вглядываясь в них, почвенничество делало это не ради абстрактного, теоретического (позитивистского по своей сути) анализа, не для безличного «научного» описания – оно высвечивало в качестве особенностей, корней, базовых моделей те ценности, которые разрушаются современным «западнизмом», оттесняются на обочину цивилизации, рассматриваются как «устаревшие», «несовременные», не соответствующие нынешним реалиям. Вопрос – каким?..

Конечно, проблема противопоставления «Запада» и «Востока» – в чем-то миф, но миф содержательный, несущий в себе черты реальности, выражающий важное и глубинное. В теоретическом плане не случайно то, что в англо-американской культурной антропологии не разводятся понятия «культура» и «цивилизация», для российской же культурологической традиции принципиально важно именно это различие: цивилизация – это материально-технические слои жизни общества, ее «массовидные» компоненты (из толщи «цивилизации» возникает феномен «массовой культуры»), культура же – духовно-смысловой, ценностный слой. В общем, Г.В.Ф. Гегель прав, что культура – это наука, философия, религия и т.п. Но не только. Для нас важно определение Д.С. Лихачева: «Культура – духовная среда человека», «святыни нации», то, что духовно сплачивает народ. Поэтому нам трудно согласиться с мнением М.С. Кагана, который делил культуру на «материальную» и «духовную», хотя, рассуждая формально, вроде бы и так. Конечно, любой идеальный продукт, чтобы стать «реальным» неизбежно «материализуется», но в том-то и дело, что само понятие культуры создано именно для описания *ценностной, идеальной, духовно-смысловой стороны человеческого бытия*. «Для чего?», «Во имя чего?» – вот вопросы, на которые призвана ответить Культура.

О каких чертах русской культуры и каких важных для нас ценностях идет речь в неопочвенничестве?.. Русская ментальность в литературе, в частности у Н. Бердяева, оценивается как парадоксальная, противоречивая; она соединяет деспотизм и анархизм, доброту и жестокость, обостренную личностность и безличный коллективизм, открытость и закрытость и т.п. Но нас интересуют не объективные характеристики, а то идеальное, потенциально ценное, что, безусловно, содержится в глубинах менталитета, в типе духовности, включая общежитийские и мировоззренческие феномены. Они известны: целостность знания; своеобразный антитехнократизм и гуманитарность русской культуры; понимание особой роли духовно-творческого начала, истолкование жизни как жизнестроительства; экзистенциальность русской культуры. Наконец, особое значение для русской культуры имеют поиск идеала и Правды, наличие цели и высшего смысла. И хотя все вышеперечисленное известно, сейчас важно, чтобы оно вновь заработало в толще социальной и душевной жизни, обрело форму пульсаций живого каждодневного бытия. Тогда вроде бы знакомое, само собой разумеющееся, засверкает новыми, порой неожиданными гранями.

Принцип цельности противостоит технократической «специализации» знания, дисциплинарной разноголосицы, обилию не состыкованных между собой направлений, наук, школ, дисциплин. Цельность знания заключается, прежде всего, в стремлении создать целостную картину мира, не раздробленную на участки и фрагменты, в поиске истины силами и средствами самых разных наук, да и не только наук, а искусства, философии, религии и т.п. Этот принцип включает в себя также понимание, что одна наука, или наука сама по себе, при всех своих поистине безграничных возможностях, – ущербна, неполна, создает только одностороннюю картину мира. Проблема сама по себе непростая, но характерно, что антицентристские направления в философии XX века (феноменология, экзистенциализм, философская антропология, «философия жизни» и т.п.) теоретически точно выделили лакуну, область культуры, поддающуюся постижению только гуманитарными методами, более того, *выделили гуманитарность в качестве совершенно особого типа знания и способа постижения реальности*. Например, А.Ф. Лосев считал, что мир не научен; мир – музыка, а наука – его накипь и случайное проявление.

Принцип антитехнократизма логично следует из предыдущего как гуманитарный характер, внутренне присущий русской мысли и русскому духу. Он выражается в критике однобокого технократического, инструментального взгляда на мир, будто бы созданного, прежде всего, для удовлетворения практических нужд, утилитарных потребностей; в преодолении буржуазности, понятой как тип практики и мироотношения, и позитивистского мирозерцания². Вспомним тургеневского Базарова, который думал, что разрежет лягушку, посмотрит, как она устроена и будет знать, как устроен человек. Только встреча с Одинцовой показала ему воочию, что, несмотря на явные совпадения в физиологии, человек (а тем более женщина) никак не тождественен лягушке. Гибель Базарова – это и крушение «сциентистско-позитивистского мирозерцания». Я умру, рассуждает тургеневский герой, – на могиле лопух вырастет. Не лопух, – отвечает ему Тургенев, – на могилу лягут цветы, принесенные родителями, пережившими сына. Именно они напомнят о жизни вечной, бесконечной...

² Ср. у Николая Бердяева: «Никогда русское царство не было буржуазным» (Бердяев, Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н.А. Бердяев // Судьба России / Н.А. Бердяев. – М., 2007. – С. 377).

Гуманитарность выступает как целостно-поэтическое переживание мира, постижение его как чуда и тайны, чего-то «непостижимого» (С. Франк). Не случайно самобытная русская философия выросла из толщи искусства, выступила из материи художественности. Точнее говоря, из самого способа художественно-эстетического переживания реальности, присущих ему лиризма, экзистенциальности, целостности постижения. Так, грандиозный мир «Евгения Онегина» – это универсальный космос бытия, пропитанный социальными, историческими, психологическими, природными энергиями; это все склеено, спаяно мощным лирическим переживанием, одухотворено исполинским творческим порывом, заковано в совершенную художественную форму. И так можно сказать о любом великом произведении русской литературы. Первостепенно важна *экзистенциальность русской мысли*, прикосновенность ее к самым тонким и трепетным струнам человеческой души. Русская литература и поэзия – это подлинная энциклопедия художественного экзистенциализма.

Наконец, особую роль мы отводим *проблеме идеала* вообще, *области идеального* (в предельном выражении это и есть идея Бога)³. Ее насущность связана одновременно и с утратой, и с жаждой обретения. Прекрасно пишет об этом В.Г. Арсланов: «сциентистско-номиналистическая реальность создает ситуацию, при которой современному субъекту тесно в рамках наличного материального мира, но и в идеальную область, которую искала немецкая классика, он давно и безвозвратно потерял дорогу. Остается только третье, которым в конечном счете оказывается сам субъект и его активность» [5, с. 353]. Но на субъекте и его беспросветном одиночестве мысль не останавливается, требуя точного критерия объективного смысла, абсолютного ориентира. Она ищет его даже там, где, казалось бы, он потерян навсегда – в практически-утилитарной повседневности, которой ей мало.

Специфика российской ментальности как раз и состоит в неумении довольствоваться банальностью повседневного благополучия; любые социальные роли в России требуют сопряжения с высшим смыслом и немедленно теряют в своем качестве, если эта связь обрывается (А.С. Панарин). «Россию невозможно одолеть материальной силой. По-настоящему уязвима она лишь перед технологиями разрушения смысла» [3, с. 92–93]. «Драма нашей идентичности связана с тем, что она с самого начала носила не натуралистический характер, не довольствовалась наличностями этнического, географического и административно-державного толка, а являлась по преимуществу ценностно-нормативной, духовной» [6, с. 7]. «Мессианскую идею», присущую русскому народу, не обязательно нужно понимать, как некую исключительность, или «богоизбранность» русского человека. Ее можно видеть гораздо менее «космично», как присущее своеобразие, свой в чем-то общий, а в чем-то особый путь, прокладываемый всяким народом, свои святые, свое «ценностное поле».

Идеологическое противостояние «славянофилов» и «западников» можно рассматривать и как несовместимость идей Просвещения и Романтизма. В этом плане интересно ставит проблему Н.А. Хренов, отождествляя дихотомию «Просвещение – Романтизм» с дилеммой «Запад и Россия». Запад пошел «просвещенческим» путем, Россия – «романтическим». Не случайно «в начале XX века, особенно в русской теургической эстетике, началась реабилитация Средних веков как эпохи высшего подъема религиозной экзальтации и прорыва в сверхчувственные миры» [7, с. 24]. Этот романтический порыв был реакцией на запанную цивилизацию, ее одностороннее «модерн-просвещение» – безусловную веру в прогресс, в поступательное развитие и совершенствование человечества, в господство и торжество Разума. «Ренессанс русской литературы XIX века оказался возможен на основе сопротивления и западной цивилизации, и тому процессу отчуждения, который сопровождает историю этой цивилизации. Поэтому не случайно в России возникло и получило столь высокий статус славянофильство как следствие романтизма. Нечто подобное происходит и сегодня» [7, с. 94].

Мы полагаем, Н.А. Хренов глубоко прав, утверждая, что сегодняшняя «глобализация» – это, прежде всего, *вестернизация* и *американизация*. Романтическая линия развития, которой следовали славянофилы, – это достаточно радикальный вариант противостояния. Романтизм – не «уход от реальности» в «заоблачные выси», не бессильное «бегство от действительности», тем более не капитуляция перед нею. Романтизм – это господство поэтического мироощущения, мощь переживания, духовность; это не утилитарно-прагматический взгляд на мир, а недоверие к автоматическому «прогрессу». Опора не на мир как на нечто исчисленное научно и постигнутое, приспособленное к удовлетворению «нужд» и «потребностей», а на мир как на неизреченное, неисповедимое, сокровенное, потаённое. Да, для технологических нужд капитализма и для буржуазного прогресса такая установка непригодна, более того, противопоказана. Она обслуживает другую сторону человека – полноту его самореализации, богатство отношений с реальностью, универсальность переживания мира людей и природы, стремление чувствовать себя Человеком в полную меру человеческой природы. Мир как чудо и загадка, в который входешь как «в таинственный лес» (В.В. Вересаев) – вот что не дано американизму. Русское мировоззрение, безусловно, ему противостоит.

³ Ей уделял большое внимание русский философ Эвальд Васильевич Ильенков (1924–1979 г. ж.).

Понятие «американизм», конечно, не тождественно понятию «американская культура», а есть явление особое, связанное с типом мировоззрения человека современного капитализма. Поразительно точно писал еще в 1902 году В.В. Розанов, к которому стоит прислушаться: «Американизм есть принцип, как “классицизм”, как “христианство”. Америка есть первая страна, даже часть света, которая, будучи просвещенною, живет без идей. Она не имеет религии иначе как в виде религиозности частных людей и частных обществ, не имеет в нашем смысле государства и правительства; не имеет национальных искусств и науки. Даже нельзя сказать, чтобы она имела нацию, ибо Соединенные Штаты не есть национальный организм, подобно России или Германии, или Испании. Вот это-то существование без высших идей побеждает, едва ли не победит христианство, как христианство некогда победило классицизм. Так что вместо ожидаемого Страшного суда, которого так боялись апостолы и который рисовал Микель-Анджело, наступит длинная вереница буфетов, в своем роде некоторый хилиазм: “буфет Вифлеем”, “буфет Фивы”, “буфет Рим”, “буфет Москва”, с отметкой около последней “Поезд стоит час, ресторан и отличная кулебяка”» [8, с. 112]. Отличная кулебяка, а сегодня это Биг-Мак – в какой-то мере и есть сущность американизма.

Заключение. В истории культуры то, что традиционно именуется диалогом «славянофилов» и «западников» (а лучше «почвенников» и «западников»), может иметь самые разные облики, выступать как дихотомия «Запад – Россия», или «Просвещение – Романтизм», или даже «Гуманитарность – Технократизм». По сути своей перед нами сущностное противостояние двух миров, двух несовместимых миропониманий, двух типов истолкования человека, культуры, цивилизации. И, конечно, двух стратегий политического и социокультурного развития. Тут дихотомия глубокая, принципиальная. О ней хорошо сказал, когда шел процесс предоставления самостоятельности Косово, Н. Михалков: «Дело не в том, что одно государство отделяется от другого. Дело в том, что православие – уникальный, может быть единственный вариант подлинного противостояния “всемирному Макдоналду”». Вот в чем, на наш взгляд, суть давнего спора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожин, В.В. Победы и беды России / В.В. Кожин. – М.: Эксмо, 2005. – 576 с. (Политический бестселлер).
2. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев. – М.: Эксмо, 2007. – 829 с.
3. Панарин, А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке / А.С. Панарин. – М.: «Русский мир», 2005. – 430 с.
4. Славой, Ж. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы / Ж. Славой. – М.: Изд-во «Европа», 2011. – 476 с.
5. Лифшиц, М. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального) / М. Лифшиц. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 368 с.
6. Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / А.С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.
7. Хренов, Н.А. Какой тип культуры складывается в современной России? / Н.А. Хренов // Вопросы культурологии. – 2010. – № 8. – С. 93–120.
8. Розанов, В.В. Итальянские впечатления. Среди художников / В.В. Розанов // Собр. соч. / под общ. ред. Н.А. Николоюкина. – СПб.: Республика, 1994. – 494 с.

Поступила 16.04.2014

‘SLAVOPHILES’ – ‘OCCIDENTALISTS’: THE DIALOGUE CONTINUES

O. ARKHIPOVA, Y. SHOR

Author considers culturological and philosophical aspects of the dichotomy ‘Slavophiles’ – ‘occidentalists’ in the article. Their opposition, principal differences of these two cultures, incompatibility of world perception, interpretation of human being, culture, civilization and strategy of development are substantiated. The creatively different interpretation of the dilemma ‘Slavophiles’ – ‘Occidentalists’ as a conflict of ‘the Enlightenment’ and ‘the Romanticism’, ‘Technocracy’ and ‘Humanity’ is suggested. The historical development of Russia as a specific, unique and peculiar cultural layer is comprehended. The principals of Russian mentality as anti - technocracy, humanity, existentialism and others are marked and explained. The author criticizes the scientific and positivistic ideology as inorganic for Russian culture, and, on the contrary, confirms the value of humanity as the comprehensive and poetical understanding of the world. The special role of the problem of ideality, as well as the ground of the ideal for the Russian intellectual culture are emphasized. The main tendencies and conflicts of culture and society development at the turn of XXI century are estimated. The modern phenomena of ‘Westernization’ and ‘Americanization’ are conceptualized.